

Михаил Рогожников

Всплывающая Византия

Исток российской цивилизации — империя Нового Рима, давно, казалось бы, ушедшая в глубину нашего сознания, как мифическая Атлантида на дно моря, — в последнее время начинает подниматься оттуда сквозь волны дискуссий и не перестает удивлять, обещая обществу новые открытия

Алексей Михайлович Лидов — академик Российской академии художеств, заведующий отделом Института мировой культуры МГУ, директор Научного центра восточно-христианской культуры

преемственности от империи Константина Великого к Руси первых христианских князей и империи Екатерины Второй «Эксперту» рассказал византолог и историк искусства **Алексей Лидов**. По его мнению, мы наследуем Византию особым образом, что предопределено самим характером восточно-римской цивилизации. Она воспринимала обыденный мир всего лишь как образ надмирного, невидимого, причем самое необычное, что это было реальное самоощущение людей с рыночной площади, воина, ремесленника и крестьянина, а не схоластические упражнения богослова; схоластика вообще была Византии чужда. Именно такое мировосприятие, которое Алексей Лидов называет «иконическим», и есть полученное нами наследство: «Понятие “иконическое” мне представляется ключевым для нашей культуры. В конце концов, это то, что определяет ее внутреннюю силу, историческое своеобразие и, возможно, будущие великие достижения», — говорит он.

Алексей Михайлович Лидов — академик Российской академии художеств, заведующий отделом Института мировой культуры МГУ, директор Научного центра восточно-христианской культуры.

Эрудиция дьяка Висковатого

— Среди образованной публики явно оживился интерес к византийской теме. А в ней остро полемическим стал вопрос о преемственности по отношению к Руси. И вот приходится слышать, что связь нашей культуры с Византией в лучшем случае символическая, что мы очень мало взяли от нее...

— Говорить, что на Руси и в России ничего не было византийского, — это, мягко говоря, неточно. Во-первых, конечно, все византийские институты пользовались на Руси колоссальным авторитетом. Значительная и даже большая часть византийских текстов, в том числе связанных с государственным устройством, сферой законодательства, была переведена на древнерусский язык и стала доступна русским книжникам. Это был образец, которому Русь, Россия подражала. При Иване Грозном в середине шестнадцатого века был руководитель Посольского приказа дьяк Иван Висковатый. И когда читаешь его тексты, просто диву даешься уровню его образованности, в частности знанию византийской традиции, которое позволяло этому «чиновнику» на равных спорить с митрополитом Московским. И он был не один, он был представителем целой среды.

И это доживает до Екатерины Великой. Будучи чистокровной немкой, она принимает из русской среды идею, что сверхзадача России — восстановить Византийскую империю под покровительством империи Российской, может быть, даже в ее составе. Не случайно внука своего она называет Константином, вспоминая византийский миф о том, что Византия с Константина началась, Константином и закончится. В общем, его готовили в византийские императоры. Это был вполне серьезный политический проект, хотя он и возник в чуждом Византии восемнадцатом веке и в рамках доминанты западноевропейской ценностей. Восемнадцатый век был очень агрессивно настроен по отношению к Византии. Вспомним, что Вольтер, с которым Екатерина была в переписке, называл греческую империю «ужасной и отвратительной».

— То есть, если мы будем более подробно разбираться со специалистами...

— Мы обнаружим в конечном итоге византийскую основу практически у всего. Приведу только один пример. Противники темы византийского присутствия на Руси любят его приводить. Они говорят: «Вот посмотрите на русскую архитектуру! Как она не похожа на византийскую!» А посмотрите на русскую

архитектуру, например, в Новгороде и во Владимире — они абсолютно не похожи! Сербская архитектура так же не похожа на ту архитектуру, которая в то же самое время была в Греции! Но все эти памятники, храмы разных культур объединяет византийская система. Речь идет о крестово-купольной структуре храма, которой не существовало в Западной Европе, потому что она отражала определенные парадигмы сознания. Во Владимире работали романские мастера, которых прислал Фридрих Барбаросса, в Новгороде — совершенно другие люди из местной среды. Но все они, включая романских мастеров, должны были воспринять византийскую крестово-купольную систему и воплотить ее в духе местных эстетических представлений.

— Что за таинственный смысл у крестово-купольной конструкции?

— Это некое представление о космосе и, в конце концов, понимание храма как огромной пространственной иконы, образа Небесного Иерусалима. Иконическое начало, абсолютно, на мой взгляд, доминирующее в византийской традиции, а потом и в древнерусской, является основой. В нашем представлении икона — это такая плоская декоративная картина, нагруженная каким-то религиозным смыслом. В этом тезисе все правильно и в то же время все неправильно, потому что икона — это образ-посредник, то есть образ, который призван соединять миры — земной и небесный. И в этом кардинальное отличие иконы от религиозной картины, которая иллюстрирует, наставляет, украшает, но не переводит в другую реальность. Собственно говоря, это прекрасно понимают и на Западе, когда в итальянских храмах, украшенных роскошными фресками эпохи Ренессанса или барокко, для того чтобы верующие католики могли молиться, ставят репродукцию Владимирской Богоматери. Я думаю, многие видели это, и не только в Италии.

Доминанта иконического, византийская по происхождению, воспринимается и продолжается на Руси, определяя важнейшие особенности культуры. В данном случае я отстаиваю свой собственный тезис: иконическое сознание — это особый тип восприятия мира, когда мир воспринимается не как некая окончательная, последняя реальность (которую можно описывать, препарировать, классифицировать, но кроме нее, ничего нет), а как образ другого мира. И это не ограничивается сферой православия или храма. Это находится в сознании. Мы читаем классическую литературу девятнадцатого века с плеядой великих, гениальных писателей разных стран. И читая очень разных между собой Толстого и Достоевского, мы понимаем, что они вместе отличаются от своих современников Диккенса, Золя или Бальзака. У них другое восприятие мира. И я, да и некоторые мои коллеги-единомышленники, описываем это восприятие мира как иконическое. При этом ни Достоевский, ни Толстой про иконы как образы-посредники не думали, но они были носителями традиции. И они все время хотят перевести наше сознание в другую реальность, описывая этот мир как пограничный. На мой взгляд, именно этот «византийский пафос» притягивает читателей во всем мире.

И конечно, ни Толстой, ни Достоевский о Византии не думали, потому что ее практически не было в дискурсе того времени (как бы мы сейчас сказали), а был антивизантийский миф и возникший рядом с ним миф провизантийский, но тоже идеологически нагруженный. С помощью провизантийского мифа из Византии сделали некий плакат, для того чтобы пропагандировать русское самодержавие как единственную возможную модель мироустройства. Это актуально и сейчас. Византия в общественном сознании, во-первых, практически не присутствует в силу тотального невежества, а во-вторых, есть поле битвы ложных мифов, когда Византией манипулируют идеологи, так скажем, либерально-западнического или

— Что сделало Европу Европой? Соединение античности и христианских ценностей. Если кто-то это и осуществил в самой естественной и органичной форме, то именно Византия

государственно-почвеннического свойства в своих конъюнктурных интересах. И можно доказывать с такой либерально-западнической позиции, что никакого присутствия Византии на Древней Руси не было, даже если это не стыкуется с очевидными фактами. Или, например, если говорить о провизантийском мифе, пытаться выдать за истинную Византию, за образец для подражания тот неовизантийский стиль, который возник в русской архитектуре девятнадцатого века, и, условно говоря, сказать, что храм Христа Спасителя в Москве ничуть не хуже Софии Константинопольской, а может быть, даже в чем-то лучше. Но между ними есть огромная разница: храм Христа Спасителя — я имею в виду тот храм, который был создан в девятнадцатом веке по проекту архитектора Тона и разрушен, а не тот муляж, который возник на наших глазах, — это очень достойное произведение архитектуры девятнадцатого века, только это никакого отношения не имеет к Софии Константинопольской. Потому что это архитектура не про Бога, а про сакральную власть, про идеологию, то есть про «православие, самодержавие, народность».

Нам наконец есть что ответить Тойнби

— А как это можно отличить? Что служит визуальным признаком отличия?

— У меня есть любимый сюжет, связанный с византийским золотом. Есть представление, что для того, чтобы воспроизвести Византию, надо дать много золота, в лучшем случае еще немножко пурпура, и все, у вас уже Византия сделана. И совсем недавно вышла новая «византийская» коллекция Dolce & Gabbana. Вот там как раз такая Византия: пышная, золотосная, яркая, условная — в общем, все стереотипы там присутствуют, и с большим успехом. Но опять-таки, есть золото и золото. Если вы посмотрите на реальные византийские памятники (мозаики Софии Киевской, например, или какие-то древние византийские иконы), то увидите, что там золото —

это образ пространства, образ бесконечного пространства, из которого фигуры являются в мир. Это живая среда. Например, в Софии Киевской мозаики положены специально таким образом, чтобы возникал эффект мерцания и излучения постоянно меняющегося света, исходящего от священных изображений. И посмотрите, как делали это золото под Византию, в эпоху Ренессанса, барокко и в большом количестве в девятнадцатом веке. Были прекрасные профессиональные итальянские мастера, которые делали а-ля византийские мозаики. Но это плотный фон. Это жесткое плотное плоское золото, в котором нет ни жизни, ни пространства. То есть вроде бы все то же самое, а по сути иное, если не сказать противоположное. И это та же история, когда мы сравниваем Софию Константинопольскую и храм Христа Спасителя. История о Лике и Маске.

Византия, по крайней мере в своих духовно-образных основах, — это прекрасный лик, за которым множество слоев сакральных смыслов. Если мы говорим об архитектурных образах, то Византия — это София Константинопольская, такое захватывающее, может быть лучшее храмовое пространство всех времен и народов. А если говорим об иконных образах, то Византия — это лик Владимирской Богоматери, это «Троица» Андрея Рублева. Понимаете, как только приводишь такой странный неполитологический аргумент, все эти политологические мифы улетают. К примеру, рассуждения о том, что Византия — это тоталитарное государство (как писал Тойнби). Какое тоталитарное государство? Посмотрите на лик Владимирской Богоматери!

Там была очень своеобразная и сложно организованная власть, которую нам трудно представить, даже с точки зрения наших понятий о русском самодержавии, в частности о средневековой русской монархии семнадцатого века. Приведу вам один пример: византийский император входит в свой главный храм, Софию Константинопольскую, в торжественной процессии на праздничное богослужение и в императорском

Общий вид пространства Святой Софии Константинопольской (VI в.)

Мозаичная икона Христа из южной галереи храма Святой Софии (XIII в.)

наряде, и несет в руке мешочек с прахом — так называемую акакию, которая должна ему напомнить, что как император он образ Божий, а как человек он прах земной. И император при входе в храм совершает проскинесис и приносит глубочайшее покаяние. Проскинесис — это такой глубокий поклон, когда человек не только стоит на коленях, но и лицо опускает к земле. Это совершенно диссонирует с нашим представлением о власти, которая защищает интересы правящего класса и обеспечивает ему процветание, чтобы низы ему не угрожали и он максимально обогащался под контролем высшей власти.

— *Это скорее марксистское представление?*

— Но оно широко распространено у людей. И во многом, согласимся, даже когда мы говорим о современном мире, справедливое, при всех уловках и «демократических» декорациях. В Византии же это было совсем не так: император видел свою главную социальную роль в том, чтобы защищать так называемых пенитес, то есть низшие классы, или, как бы мы сказали, простой народ, и защищать их именно от притеснения династов — тех, кого мы обычно называем правящим классом. Большинство указов византийских императоров именно про это. Такое понимание роли императора, кстати говоря, приходит на Русь. И этот культ царя на Руси, и какое-то невероятное доверие народа к царю — это как раз продолжение жизни византийской модели императора-защитника.

Там было на удивление разумно организованное общество. А у нас существует представление о таком темном Средневековье, которое восходит к понятию, что по-английски называется *dark ages*.

— *Да, «темные века».*

— Темные, необразованные, дикие. Вот была замечательная Римская империя, потом все рухнуло. Нашествие варваров, отсутствие образования. И дальше отсюда же возникает Ренессанс. Это все понятия, к Византии неприменимы, потому что в ней никаких «темных веков» никогда не было. Там были

блестящие века расцвета культуры. Они не потеряли ничего из того, что не хотели потерять сознательно, и продолжали это естественное развитие на своем уровне. А при этом в чем упрекают Византию? В том, что, по мнению людей Запада, она была творчески неплодотворной. Где открытия, сравнимые с открытиями Ренессанса, и прочее? Забывают, что они ничего не теряли и им не надо было ничего открывать заново. Все, что им было нужно, они несли и естественным образом наследовали от предыдущих столетий. И это совершенно, принципиально другая картина исторического развития. Что сделало Европу Европой? Именно соединение античного наследия и христианских ценностей. И в этом смысле, когда есть попытки сказать, что Византия не Европа или «недоевропа», это выглядит и смешно, и тенденциозно, потому что если кто-то это и осуществил в самой естественной и органичной форме, то именно Византия. Если мы смотрим на источники, то Византия — это, по крайней мере до тринадцатого века, до четвертого Крестового похода, предмет восхищения и зависти. Для них это было что-то запредельное, во всех смыслах: и в смысле культуры, и в смысле духовности, и в смысле богатства. И совершенно очевидно, что Западная Европа смотрела на Византию снизу вверх.

Вспомним, как был организован Константинополь, в котором существовали самые разные цеха ремесленников, живших по достаточно строгим уставам. Византийская столица была не только главным центром торговли, но и средоточием высокотехнологичных производств. Очень сильной была городская власть (глава города назывался эпархом), которая регулировала все сферы социальной жизни. Вообще, если задуматься о Константинополе до его уничтожения крестоносцами в 1204 году, то это несопоставимо ни с чем, что в тот момент существовало на Западе. В эту эпоху, к примеру, Париж или Лондон выглядели грязными поселениями «городского типа»

по сравнению с чистым цветущим, буквально утопающим в садах Константинополем-Царьградом, сияющим мрамором, золотыми куполами, бесчисленными фонтанами. Западных путешественников потрясла роскошь одежд, многообразие народов, не говоря о произведениях античного искусства и христианских святынях, которые были собраны со всего Средиземноморья. И сейчас, в том числе на Западе, происходит разоблачение антивизантийского мифа.

— *На Западе сейчас?*

— Да, там есть очень серьезные историки, некоторые из них мои близкие друзья. К примеру, профессор Лондонского университета Джудит Хэррин написала невероятно популярную в мире книгу, ее перевели на двенадцать языков: «Византия. Удивительная жизнь средневековой империи». Она, надо сказать, историк либерально-социалистических взглядов, но очень серьезный профессионал, который анализирует источники. То есть можно доверять каждому ее слову. И она, в каком-то смысле даже удивляясь сама, разрушает существующий миф. Она показывает, что Византия была на удивление терпимым государством, в котором, например, иные религии, помимо православного христианства, в целом чувствовали себя комфортно и были защищены и законами, и властью. Да, случались какие-то бунты и мелкие погромы, конфликты и прочее, когда разозленные западной политикой жители столицы могли сжечь Галату, «западный» квартал в Константинополе, но то все-таки были эксцессы. А в целом это было одно из самых терпимых обществ из всех, которые мы знаем в Средневековье. Эта империя была очень толерантной, говоря современными терминами.

Второе открытие — это для Хэррин уже тема всей жизни — огромная роль женщин в византийском обществе. Она все это показывает последовательно: это и византийские императрицы, которых было не одна и не две, и, например, огромная роль женщин в защите иконопочитания и в победе над иконоборцами. Антивизантийский миф, столетиями формировавшийся на Западе, благодаря научной честности лучших западных историков сейчас трещит по швам, но негативные стереотипы в массовом сознании, увы, остаются. Хотя мне уже не раз приходилось слышать упреки, что я романтизирую и идеализирую Византию, но ведь существуют источники, на которые опираются эти представления. Это не идеализация, а реальность, но реальность, которая не согласуется со стереотипом, который присутствует в массовом сознании, о какой-то коварной варварской тоталитарной Византии с бесконечными подковерными интригами.

— *Ну, уж не варварской-то ни в коем случае.*

— Действительно, этот тезис выглядит как откровенная ложь, потому что уровень массового образования этой цивилизации был поразителен. И до сих пор, когда я говорю со своими западными коллегами, которые не византилисты, — они, опираясь на привычные клише, спорят: «Ну уж здесь вы преувеличиваете, такого образования быть не могло». В ответ предлагаю посмотреть источники, из которых следует, что практически каждый житель Константинополя получал начальное образование, занимавшее несколько лет. В это образование входило знание Плутарха, Платона, Софокла. Речь идет не о интеллектуальной элите или придворных, а о простых ремесленниках, то есть о начальном массовом образовании. И очевидно, что практически все умели читать и писать, что для средневекового Запада кажется чем-то невероятным, потому что там книжность была уделом узкого слоя клириков. Я говорю о цивилизации в целом, потому что эти культурные представления распространялись на весь византийский мир, включая Древнюю Русь (яркий пример — массовая грамотность в Древнем Новгороде, что хорошо известно из берестяных грамот).

«Византия — это лик Владимирской Богоматери»

— *Каким же образом традиция этой высочайшей цивилизации могла быть передана на Русь, где даже читать еще не умели?*

— Для начала тут есть очень интересный геополитический момент. Арабское завоевание перерезало торговые морские, средиземноморские, пути, существовавшие всегда. В результате актуализируется путь «из варяг в греки», и как крупный торговый центр на этом пути возникает город Киев, при активном участии тех же варягов. И дальше начинается собирание земель и племен вокруг этого нового мощного центра, экономически могущественного в силу своего геополитического стратегического положения. Так что парадоксальным образом мы возникновением нашего государства обязаны пророку Мухаммеду.

Что произошло в конце десятого — начале одиннадцатого века, когда Русь приняла христианство из Византии? Она приняла христианство от самой глубокой и сложной культуры и цивилизации, которая тогда только была в мире, которая впитала и ничего не потеряла от всей эллинской премудрости, от всей античной эллинистической традиции умствования.

— *Позже Западная Европа читала Аристотеля в переводах с арабского...*

— И сильно позже. Так вот, наши предки были в совсем недавнем прошлом язычники, то есть, с точки зрения эллинов, варвары. Даже непонятно, как у них дело обстояло с письменностью, скорее всего ее не было. А им, просто в силу практической необходимости строить храмы, совершать литургию, нужно в кратчайший срок освоить огромный пласт невероятно сложных интеллектуально насыщенных текстов. И, как мне кажется (это уже мое рассуждение), столь сжатые сроки их освоения оказали колоссальное влияние на все последующее развитие русской культуры и в каком-то смысле сказываются до сих пор. Необходимость в очень короткие сроки впитать множество смыслов, многие из них не до конца переварив, — это парадигма, которая до сих пор живет в

Дмитровский собор во Владимире был создан романскими мастерами, но в византийской парадигме

нашей традиции. С одной стороны, приобщенность к чему-то невероятно сложному, высокому, глубокому, а с другой стороны, невозможность оперировать этим так, как это можно и должно, то есть некая скованность и присутствие какой-то другой почвенной традиции. Надо было перевести и усвоить целую систему понятий, за которыми стоит многовековая традиция греческой философии. И конечно, ничего подобного на Западе не было и не происходило. Там в каком-то смысле был более естественный логический путь постепенного образования варварских народов. А российская ситуация с этой точки зрения вполне уникальна. То есть так получилось, что Русь в результате принятия христианства перескочила на несколько уровней культурного развития. Вот эта, не побоюсь сказать, недоусвоенность каких-то важнейших вещей — они не были в полной мере прожиты культурой — это тоже одно из очень интересных явлений, еще до сих пор толком в нашей культуре не описанное. Просто элементарно за ней не было этого тысячелетия Античности.

— *Это действительно очень интересная тема, отсюда, наверное, в нашей культуре такое стремление к недостижимому идеалу. Будем надеяться, нам все же удастся со*

временем полностью вступить в «права наследства». Не потому ли, что этого до сих пор не произошло, Византия и ее наследие, давно ушедшие, становятся важной темой в современной России?

— Для начала мы должны обрести собственную идентичность и просто понять, кто мы и откуда мы пришли, то есть понять свои византийские корни просто через систему образования и в первую очередь через духовно-культурные ценности. Я бы предостерег от попыток имитировать Византию политически. Такие попытки предпринимались на протяжении веков, но всякий раз получалось что-то очень несимпатичное. Видимо, этот путь тупиковый и никакое политическое копирования Византии невозможно. А вот восстановление национальной идентичности на почве принадлежности к этой великой традиции и осознания ее европейской сути — это важнейшая задача, которая имеет и социально-политическое измерение.

— *Что, на ваш взгляд, этому препятствует?*

— В первую очередь навязанная нам система понятий, которую мы впитали через всю систему образования. Мы ведь говорим на понятийном языке западноевропейской цивилизации, который в значительной степени был сформирован в эпоху Просвещения и в контексте позитивистской идеологии. Была создана модель универсума, которую иногда называют причинно-следственным универсумом, обращенным к механике явлений. В этой идеологии не только человек — центр мира, но и предмет — центр мира, а то, что не может быть описано как предмет, как материальная основа, то не является сюжетом науки, и цивилизация этим интересоваться не должна.

Но для нормального функционирования культуры необходимо признать существование нескольких систем, которые могут замечательным образом друг друга дополнять. Как вы знаете, у нас есть левое и правое полушария мозга, отвечающие за рациональное и духовно-образное. И в России правое полушарие невероятно развито. Вытеснение духовно-образного, которое предполагает цивилизация причинно-следственного универсума, для российского и русского сознания неприемлемо. Духовно-образное начало присутствует, если хотите, генетически, как через память поколений и через глубинную связь с византийской традицией, о которой, конечно, девяносто девять процентов населения России вообще не задумывается и просто не знает, что это такое. В том числе не знает и потому, что вся система образования эту тему игнорирует.

И на мой взгляд, первое, что надо было бы сделать, — попытаться создать систему «византийского» образования, которая объясняла бы детям для начала «византийскую» систему ценностей, к примеру понятие «иконического» как некоего способа восприятия мира. На мой взгляд, восстановление этой идентичности и осознание своих культурно-духовных ценностей абсолютно не противоречат никакому взаимодействию с Западом. Византия для нас так важна и актуальна, потому что только через осознание своих византийских корней, на мой взгляд, мы можем восстановить национальное чувство собственного достоинства без фанатизма и полувоенной мобилизации сознания. Оно не предполагает национального превосходства, а просто делает нас духовно равноправными партнерами в любом диалоге — хоть с Америкой, хоть с Западной Европой, хоть с Китаем.

Другая задача — системное и тактичное объяснение миру, в первую очередь Западу, природы византийского наследия и его духовно-художественных ценностей, которые являются неотъемлемой частью европейской традиции, но при этом в некоторых аспектах не совпадают с «либерально-демократическими» аксиомами наших оппонентов.

■ Иллюстрации предоставлены Алексей Лидовым